

КАТАЖИНА
МИХАЛЯК

ЗЕМЛЯНИЧНЫЙ
ГОД

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)-44
М69

«ROK W POZIOMCE»
by Katarzyna Michalak
Серия «Легкое дыхание»

Перевод с польского *Марины Тогобецкой*
Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Михаляк, Катажина.

М69 Земляничный год / Катажина Михаляк ;
[пер. с польск. М. В. Тогобецкой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (Легкое ды-
хание).

ISBN 978-5-17-084799-0

Не сомневайтесь: мечты всегда сбываются.

Всегда — стоит только по-настоящему поверить в них.

Эва 32 года, за плечами у нее непростое прошлое, а душа полна мечтаний и надежд. Она грезит о спокойной жизни в милом белом домике за городом, о ребенке и, конечно... о любви.

Но как и все в этой жизни, каждая мечта имеет свою цену: чтобы наскрести денег на вымечтанный домик в сосновом лесу, Эва начинает работать в издательстве своего друга (в которого она тайно влюблена) и должна найти и раскрутить настоящий бестселлер...

Вот тут и начинаются ее приключения!

«Земляничный год» — это очаровательная история о людях, которые сумели найти свою любовь, лишь перестав верить в нее.

Знакомьтесь: Эва, Анжей, Каролина и их близкие, которые точно знают — добро всегда возвращается стоицей.

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)-44

© Copyright by Katarzyna Michalak
© Copyright by Wydawnictwo Literackie,
Kraków, 2011
© Перевод. Тогобецкая М.В., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-084799-0

Твой дом там, где твоя любовь.

Оле и Кжысе на новом жизненном пути

У меня когда-то была мечта. Заветная мечта. Маленький белый домик, окруженный вековыми соснами, стены которого увиты диким виноградом. Эта мечта жила во мне, когда я сама теснилась в одной комнате с родственниками. Когда моим миром стало шумное, переполненное общежитие. Она была со мной, когда я жила с тем, с кем мне жить совсем не следовало бы. И даже в малюсенькой однокомнатной квартирке, где я медленно умирала, как вольная птица в тесной клетке.

С годами этот образ дома моей мечты потихоньку начал блекнуть. Я забыла, как шумят сосны и как поют птицы. Я забыла, как солнце заглядывает в щелку между занавесками и как ветер треплет головки цветов.

Но маленький белый дом обо мне не забыл...

Июль

Дорогая Эва, да, да, моя славная подруга. Я снова пишу тебе. Пишу, как и год назад, и два года назад, и пять лет назад, и все эти тридцать пять лет, и желаю тебе, чтобы то, что ты задумала себе, что твою душу мучает, — наконец сбылось. Да, это и есть мое пожелание: закончи уже это дело, потому что так дальше продолжаться не может...

Эва приподняла бокал с шампанским:

— Желаю тебе маленький белый домик, Эвушка, — шепнула она своему отражению в зеркале и хотела сделать глоток, но в горле встал ком. — Господи, до чего же ты глупая!

Она раздраженно вытерла глаза.

Столько лет она мечтала о своем месте на земле.

В поисках вымечтанного дома она объездила всю Польшу, от моря и до гор, и неважно, что были времена, когда у нее денег еле-еле на билет автобусный хватало, да и пан К. эти ее путешествия не очень-то одобрял. Эве нужно было верить, что маленький белый домик ждет ее где-то, что она его найдет. Утратить эту веру означало для нее смириться с беспросветностью и безнадежностью и сдаться. А это, в

свою, очередь означало... что угодно означало, только не хепши-энд.

Каждый раз, когда среди объявлений в интернете мелькал хотя бы кусочек белой стены, она тут же прыгала в пикап и по бездорожью бросалась в погоню за мечтой. И все было не то... Она видела места прекрасные и уродливые: чудесная малюсенькая хатка на самом краю густой пуши, над которой виднеется надпись: «А.Д. 1878», а у самой стены громоздится здоровенный столб с проводами высокого напряжения, вот как будто нельзя было отодвинуть его хотя бы на сто метров подальше в сторону... славное строение у озера с лебедями, где царила такая тишина, что можно было услышать стук собственного сердца и песни пьяного соседа... избушка прямо из сказки о злой колдунье, с крутой черепичной крышей, над речкой, которая летом превращается в мелиоративный ров, воняющий далеко не фиалками... Так много разочарований! Не то. Снова не то. Слишком близко, слишком далеко, слишком большой, слишком маленький...

У нормального человека таких проблем не бывает: он живет там, где должен. А Эва хотела жить так, как она себе намечтала. Ей и так слишком долго пришлось жить по-другому.

Три года тому назад она оставила поиски, решив, что для такой неудачницы, как она, однокомнатная квартира на Воли и так является центром мира. По крайней мере, у нее теперь был свой собственный уголок. И может быть, если покрасить стены в белый цвет, а на вечно серые от уличной пыли окна повесить муслиновые занавески с фестонами, а над кроватью наклеить фотообои с водопадом и...

Да, Эва, да, суетись, обманывай себя. Пока ты вешь себе гнездышко на этих двадцати пяти метрах — ты не тоскуешь.

Она снова подняла бокал. Новый тост. И снова — за свой дом.

Она промурлыкала под нос старую песенку, потом неожиданно развеселилась. Вокруг сразу стало будто светлее — хотя на самом деле стояла просто тьма египетская: во всем районе с какой-то радости вырубили свет.

В очень романтической обстановке, в свете горящих свечей (одолженных у соседей, потому что у Эвы их как всегда не оказалось — никогда руки не доходят, всегда забывает купить!), Эва открыла свой тайный блокнотик для записи важных и неважных вещей и сказала вслух:

— Пиши! Опиши то, чего ты хочешь. Опиши со всеми подробностями: и черепичную крышу, и чтобы в светлом месте, и чтобы ремонта не требовал, а находился на Жолибоже. Ты же знаешь, чего ищешь, правда ведь?

Она знала.

Глядя на листок бумаги, она задумчиво погрызла кончик карандаша и вдруг начала рисовать (чего ей делать было бы совсем не нужно, ибо таланта к рисованию она не имела вовсе). Хотя линии у нее выходили все как на подбор кривые, о линейке она и не подумала. И поэтому нарисованный ею домик, когда она закончила, выглядел так, будто сильно пострадал от урагана «Катрина».

— А еще лес! — бормотала она себе под нос, расставляя вокруг домика сосенки: вот эта вертикальная линия (ну, почти вертикальная!) — ствол, вот эта кучка палочек — ветки... — И река! Домик меч-

ты без реки — это все равно что рис с клубникой и сливками без риса...

И вот уже между сосенками появилась река. Эва склонила голову набок, вся отдаваясь своему занятию. В этот момент в голове у нее всплыло приятное воспоминание.

Тихая, сонная железнодорожная станция. Разогретый солнцем перрон. Пара чемоданов. Мама держит ее руку в своей теплой ладони. Легкий ветерок несет запахи трав и цветов. Маленький домик на полянке, вокруг которого полно играющих детей, вечером — туман над рекой. Над спокойной, лениво катящей свои воды рекой Ливец. Эту реку Эва любила с первого взгляда, даже когда оказалось, что утонуть в ней невозможно, потому что вода едва подымается выше колен, любовь ее не угасла и только росла с годами, хотя больше они на каникулы в Урли не приезжали.

Это воспоминание о том солнце и тишине до сих пор грело ей душу. Воспоминания и мечты.

— Ну нет, раскрашивать мы уж не будем, — Эва покачала головой, открыла ноутбук, батареи которого, к счастью, еще пока не разрядились, и начала методично забивать в строку поисковика критерии поиска. В конце решительно дописала: «Ливец».

Нажала «энтер» — и онемела.

Результатов было пять.

Но маленький белый дом — только один.

— Не верю. Просто не могу поверить, — прошептала она, не отрывая взгляда от приложенной фотографии.

Его просто не могло быть.

Но он был!

Стоял себе на поляне, окруженный соснами, играл белыми стенами в лучах весеннего солнца, а дикий виноград вился аж до самой крыши. С забытыми окнами, он будто дремал в ожидании той, которая его найдет и полюбит.

— Меня! Меня ждет!

Эва тряхнула головой, чтобы прийти в себя, и потянулась за телефоном. Сколько, кстати, времени? Уже больше десяти, но совсем немного больше. Посредник, наверно, трубку не возьмет.

Взял!

— Да, я бы хотела посмотреть дом в Урли! — кричала она минуту спустя на бедного мужика, который в этот момент думал о чем угодно, только не о том, чтобы тащиться в пригород Варшавы. — Сейчас же! Немедленно! Ну да, уже поздно и ночь за окном... Тогда завтра! С самого утра!

Проселочная дорога, размытая дождями, тянется бесконечно. И они едут, едут, едут по ней... Вот последний дом у дороги, кажется — дальше уже только лес, как вдруг... что это белое робко мелькнуло между деревьями?

«Это ты?» — как будто спрашивает недоверчиво маленький домишко с забытыми окнами и покосившимся забором.

Эва выходит из машины словно загипнотизированная. Не обращая ни малейшего внимания на хлещущий дождь и на то, что туфли гибнут в слякотной грязи. Калитка немилосердно скрипит, протестуя, замок открывается не сразу и с большим трудом, но Эве все равно. Так и должно быть. Именно так: прекрасно, скрипуче, нелегко. Все правильно.

Вековые сосны окружают дом. А одна растет прямо у калитки, мешая ей открываться. Ее крона закрывает девушку, дерево берет ее под свое крыло, под защиту — и уже ничего плохого случиться не может. Здесь — не может.

Эва стоит посередине поляны, оглядываясь по сторонам, совершенно очарованная. Капли дождя стекают по волосам, плечам, мокрой куртке, ну и пусть. Ей нужно увидеть свой будущий дом в самом плохом виде — чтобы знать, что ее ожидает. И все равно она принимает решение, которое задумавшийся посредник слышит не сразу:

— Я покупаю этот дом.

— Но, может быть, вы сначала зайдете внутрь?!

Эва кивает головой.

Она и так купила бы дом своей мечты, но, чтобы посредник, видя ее настроение, не взвинтил цену, нужно немножко притвориться. И Эва кривится, хотя на самом деле ей хочется упасть на колени и целовать порог:

— Надеюсь, эта дверь не рухнет с петель? — говорит она, сморщив нос.

Внутри дом в еще большей разрухе, чем снаружи. Но она не видит темного коридора, не замечает холодных, стылых комнат с падающей штукатуркой на стенах и с окнами, забитыми досками. Нет. Она видит это место таким, каким оно будет через... год? Два? Когда-нибудь, когда Ева раздобудет денег на его ремонт. Когда комнаты станут светлыми и уютными. Когда убогий линолеум, покрывающий пол, исчезнет, а на его месте появится сияющий дубовый паркет, а окна получат широкие подоконники и будут сверкать чистыми стеклами в белых рамах.

Так будет. Когда-нибудь.

— Я приняла решение, — поворачивается она к посреднику. — Я покупаю дом.

Тот смотрит на нее недоверчиво, словно не веря своим ушам.

— Думаю, вам стоит еще подумать и позвонить мне завтра утром, — предлагает он великодушно.

Эва соглашается.

И всю ночь ей снится маленький белый дом. Без лап. Потому что зачем дому лапы?

— И речи не может быть о том, чтобы я одалживал тебе деньги!

Отчим и слушать не хотел ее просьб и объяснений — он просто повернулся к ней спиной.

— Но я и не хочу, чтобы ты мне одалживал! Я лишь хочу, чтобы ты отдал мне то, что я тебе одолжила!

Эва, чуть не плача, с трудом удерживалась, чтобы не вцепиться в его вечно пьяные зенки.

Пару лет тому назад, когда в обшарпанной их ванной здоровенный кусок штукатурки упал маме на плечи и довольно сильно ее ударил, Эва сняла деньги со своего счета и, ни с кем не советуясь, оплатила ремонт ванной. Конечно, пан К. ее за это сильно отругал и назвал авантюристкой и транжирой, но в глазах мамы она видела слезы, и это были слезы радости — а маме нечасто приходилось плакать от радости, хотя плакала она частенько. И Эва тоже тогда была счастлива — оттого, что счастлива мама. Отчим клялся, что деньги вернет, все до копейки. Тогда Эва только великодушно махнула рукой. А сейчас вот решила их потребовать.

— Мне нужны деньги на жилье. А ведь твоя фирма процветает. — В голосе девушки зазвучала мольба. Как же она себя за это ненавидела...

— А я думаю, что это ты мне еще должна. Мы тебя кормили-содержали двадцать лет, платили за электричество, газ, воду, не говоря уж о чулках всяких там.

— В жизни ты мне пары чулок не купил! Ломаного гроша не дал!

— Ты просто подлая и неблагодарная!

И на этом разговор был окончен.

Мама, с этой своей безграничной тоской в давно потухших глазах, проводила Эву до двери. И уже буквально на пороге обняла ее, удостоверилась, что муж не видит, и сунула ей в руку пачку банкнот.

— Мамочка! — Эва пыталась вернуть ей деньги, она прекрасно знала, что они матери достались нелегко — ее муженек был очень щедр по отношению ко всем: к собственной матери, к брату-пьянице, к дружкам-собутыльникам, но только не к жене...

А мама зашептала:

— Про мебель не знаю, а занавески сделай в розочках. Я всегда о таких мечтала...

— Мам...

У Эвы слезы навернулись на глаза.

В доме, где жила ее мать, занавески на окнах были такие древние, что помнили еще Герка. И Эва знала, что она во что бы то ни стало исполнит мечту своей матери — она повесит занавески в розочках, как мечтала Анна.

— Спасибо, мамуля.

Эва расцеловала сморщенное лицо матери — нестарой ведь еще женщины, прижала ее к себе, по-